

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94 (47).027

«Луче сдь умру. Не иду». Аутоагрессивное поведение в Древней Руси на примере смерти Глеба Ростиславича в 1178 г.

Сергей Д. Гай

*Удмуртский государственный университет,
Ижевск, Россия, sergey_guy0403@mail.ru*

Аннотация. Вопрос соотношения жизни и смерти является ключевым в мировоззренческой картине любого общества. Социум Древней Руси не стал исключением. До нас дошел существенный пласт источников, раскрывающих особенность регламентации жизни в Древней Руси. Однако реконструкция данных представлений осложнена церковной спецификой источников, часть из которых являются переводными. Вследствие этого возникает вопрос степени их актуальности для различных социальных слоёв Древней Руси. Восприятие смерти находит своё отражение в зафиксированных случаях аутоагрессии – нанесения вреда самому себе. Данное явление ярко прослеживается на примере судьбы рязанского князя Глеба Ростиславича. В 1178 г. князь проигрывает политическую борьбу и оказывается в заточении у Всеволода Большое Гнездо. Глебу Ростиславичу предоставляется возможность выйти на свободу, но он предпочитает остаться в заточении и вскоре умирает. Автор расценивает данный случай как проявление аутоагрессии, рассматривая его в интеллектуальном контексте древнерусской книжности: «Моления Даниила Заточника», «Пчелы», на основе которых вырабатывается идея «достойной смерти». Особое значение поступок рязанского князя Глеба принимает в сравнении с более ранним случаем переяславского князя Андрея Доброго, который был готов умереть, чем отказаться от прав на землю. Оба князя не берегут свою жизнь, однако отличием служит окружающий их культурный и политический фон. В работе автор применяет текстологический метод анализа по отношению к различным редакциям памятника, а также анализирует Ипатьевскую, Лаврентьевскую и Новгородскую летописи на предмет расхождений в биографии князя. На их основе автор приходит к выводу, что причины аутоагрессивного поведения рязанского князя сокрыты под слоями литературных нарративов, выстраиваемых в зависимости от политических интересов летописца.

© Гай С.Д., 2025

Ключевые слова: Глеб рязанский, аутоагрессия, культура средневековой Руси, Моление Даниила Заточника

Для цитирования: Гай С.Д. «Луче сдъ умру. Не иду». Аутоагрессивное поведение в Древней Руси на примере смерти Глеба Ростиславича в 1178 г. // Молодой историк. 2025. № 2. С. 80-92.

«Luche sde umru. Ne idu».
Autoaggressive behavior in Ancient Rus on the example
of Gleb Rostislavich's death in 1178 AD

Sergey D. Gay
Udmurt State University,
Izhevsk, Russia, sergey_guy0403@mail.ru

Abstract. The question of the relationship between life and death is a key one in the worldview of any society. This is construction relevant for society Ancient Rus. We have some sources, thanks to which we can reconstruct regalement life and death. The reconstruction of the worldview is complicated by the translation nature of many sources. As a result, the question arises of the degree of their relevance for various social strata of Ancient Rus. The perception of death is reflected in recorded cases of autoaggression. One of those is case in 1178 AD of Ryazan's prince Gleb. After rivalry with Vladimir's prince Vsevolode was in jail's dungeon. He was given the opportunity to be released, but he prefers to remain in jail. The author regards this case as a manifestation of autoaggression, considering it in the intellectual context of ancient Rus' literature: "Prayer of Daniel Zatochnik", "Pchela", on the basis of which the idea of a "dignified death" is developed. The act of Prince Gleb of Ryazan takes on special significance in comparison with the earlier case of Pereslavl's Prince Andrey the Kind, who was ready to die rather than give up his rights to land. Both princes do not take care of their lives, but the difference is the cultural and political background surrounding them. In the paper, the author applies the textual method of analysis in relation to various editions of the monument, and also analyzes the Ipatiev, Laurentian and Novgorod chronicles for discrepancies in the biography of the Prince. Based on them, the author comes to the conclusion that the reasons for the autoaggressive behavior of the Ryazan Prince are hidden under layers of literary narratives, built depending on the political interests of the chronicler.

Keywords: Ryazan's prince Gleb, autoaggression, culture of Ancient Rus, Prayer of Daniel Zatochnik

For citation: Gay, S.D. (2025), " 'Luche sde umru. Ne idu'. Autoaggressive behavior in Ancient Russia on the example of Gleb Rostislavich's death in 1178 AD", *Young Historian*, no. 2, pp. 80-92.

Представления о жизни и смерти легли в основу мировоззренческой картины многих обществ. Социум Древней Руси не стал исключением. Действующие в нём нормы юридического и церковного права, социальные предрассудки, аграрные культы и философские концепции регламентировали быт человека. Попытки противостоять сложившимся порядкам, нарушить божественный промысел, зачастую порицались. Однако существовали такие ситуации, при которых аутоагрессия – причинение человеком самому себе вреда – допускалась. Данный феномен раскрывает особенности мировоззрения отдельной личности. Кроме того, деструктивное поведение человека демонстрирует его причастность к коллективу и степень интеграции в социальную систему, неотъемлемой частью которой он является. В зависимости от установленных в обществе границы дозволенной смерти, можно выявить степень субъектности отдельного индивида.

Историографическая традиция изучения данной проблемы невелика. Вследствие сложившейся в современном обществе табуированности смерти, в работах по древнерусской ментальности танатологическим представлениям уделяется незначительное внимание. Упор делается на рассмотрение отразившейся в археологических памятниках ритуальной составляющей, а общественный дискурс по поводу данной темы остается лакунарным. Исследователи мимоходом отмечают, что в домодерновом русском социуме смерть регламентировалась церковными нормами [Паперно 1999, с. 66; Романова 2012, с. 82]. Но в действительности мировоззренческая картина была не столь однородной.

Общественное мнение по поводу смерти формировалось под влиянием христианства, норм светского и церковного права, фольклорных представлений и афоризмов античных философов. Причём по определенным вопросам источники расходились друг с другом, что порождало сложную дискуссионную систему взглядов. Наиболее острым являлся феномен самоубийства.

Церковная позиция опиралась на высказывания отцов церкви, которые отразились в Кормчей книге – своде церковных предписаний, известном на Руси с XI в. [Щапов 1978, с. 101]. По поводу членовредительства в ней присутствуют изречения Тимофея и Петра Александрийских, Тарасия и Генадия Константинопольских. Камнем преткновения для них являлось поминовение самоубийцы. Все авторы выступали с осуждением аутоагрессии, но Тимофей Александрийский считал, что к поминовению можно допускать, если человек «въистиноу несъмысльнъ сы сътвори» [Бенешевич 1906, с. 546]. В историографии закрепились точка зрения, в рамках которой исследователями прерогатива отдаётся именно Тимофею Александрийскому. В действительности, по крайней мере до начала XV в., или даже до середины XVII в. концепция Тимофея Александрийского не выделяется среди остальных. Первый рубеж определен на основе датировки самого раннего списка Мясниковской редакции постановлений Константинопольского собора 1276 г. В этом документе отражены ответы

патриархов на вопрошания сарайского епископа Феогноста о самоубийцах. Однако в основной Кирилло-Белозерской редакции отсутствуют данные статьи. В Мясниковскую редакцию они вошли не от постановлений собора, а от внутренней практики [Корогодина 2025, с. 74–77]. На вопрос о возможности подношения за самоубийцу, если «ума целого не имеет», ответ был дан в ключе концепции Тимофея Александрийского [Бенешевич 1906, с. 115]. Но и на основе этого вопрошания нельзя утверждать о тотальном закреплении его идей. Вторая граница – это закрепление в Номоканоне требника 1658 г. исключительно концепции Тимофея Александрийского [Павлов 1891, с. 320–324]. То есть источниковая база не позволяет с уверенностью определить главенство идей того или иного епископа на ранних этапах русской истории.

Для аграрного населения Древней Руси особую ценность составляла земля. По поздним этнографическим данным известно, что самоубийц относили к нечистым покойникам [Зеленин 2022, с. 15]. Их боялись хоронить в земле, из-за чего возникал конфликт народа с церковью. Впервые данные воззрения зафиксированы в «слове блаженного Серапиона о маловерии», где епископ выступает с критикой выкапывания удавленников или утопленников¹. Однако этот памятник относится только к XIII в., в связи с чем воззрения людей предшествующих столетий остаются неизвестными.

Определенный вклад в развитие представлений о самоубийстве был внесён переводной литературой. В сборнике афоризмов «Пчела» отражены высказывания античных философов, которые отстаивают концепцию «достойной смерти». Вопрос самопожертвования также затрагивается в переводе «Иудейской войны» Иосифа Флавия. Существенной проблемой данного пласта источников является культурный разрыв между народами. Из-за этого трудно определить степень воздействия заложенных в них идей на древнерусский социум.

Таким образом, неоднородная мировоззренческая картина, составленная на основе разнообразных источников, на деле оказывается пустой. Для закрытия этой лакуны необходимо рассмотреть конкретные прецеденты, на основе которых с предельной достоверностью можно реконструировать представления об аутоагрессии. Повседневная история Древней Руси нашла своё отражение в летописях. Однако существенной особенностью данного источника является их политическая ангажированность и интертекстуальность. Поэтому для изучения древнерусской ментальности необходимо подвергнуть источники текстологическому анализу. И.Н. Данилевский отмечал, что основная цель текстологии – «реконструкции генеалогии текста... выявление в тексте исторического источника ретроспективной информации» [Данилевский 2024, с. 29–30]. Необходимо определить не только причины аутоагрессивного поведения в прошлом, но и особенности его фиксации.

---

¹ БДР Т. 5. СПб., 2022. С. 382.

Данное явление прослеживается на примере смерти рязанского князя Глеба Ростиславича. В 1178 г. он оказывается перед выбором: позорная свобода или верная гибель в темнице. Князь остановился на втором варианте. Для понимания причин его решения следует подробнее изучить ситуацию, выявить мотивы, а главное – культурный контекст. Помимо этого, необходимо уделить внимание имеющимся источникам и определить степень достоверности имеющихся сведений.

Судьба Глеба Ростиславича неразрывно связано с историей Рязани и тщетной попыткой вести суверенную политику в окружении могущественного Владимирского и Черниговского княжеств. Отец нашего героя, Ростислав Ярославич, в 1140–1150-х гг. ещё пытался следовать самостоятельному внешнеполитическому курсу, в рамках которого опирался либо на Смоленск, либо на Киев. Однако после ряда поражений в 1155 г. Ростислав был вынужден присягнуть Владимирскому князю: «Въ то же время Ростиславъ Мстиславичъ, Смоленскій князь, цълова хрестъ съ братьею своею с Рязанскими князи»² [Монгайт 1961, с. 342–243]. Политическую зависимость скреплял субдинастический брак. Ростислав женился на дочери Ростислава Юрьевича – старшего сына Юрия Долгорукова – и в браке у них родился сын Глеб.

После смерти Ростислава Рязанское княжество переходит его сыну Глебу. С самого начала нового правления княжество находилось в вассальной зависимости от владимирского «самовластца» Андрея Боголюбского. По летописным источникам видно, что рязанские полки участвовали в кампании против Новгорода, Киева и Волжской Булгарии [Лимонов 1987, с. 92; Монгайт 1961, с. 348]. Однако, несмотря на столь активную вовлеченность в военные действия ростово-суздальского князя, Глеб сохранил идею о независимости собственного княжества.

Шанс на осуществление задуманного выпал после трагической смерти Андрея Боголюбского в 1174 г. На вакантный ростово-суздальский стол претендовали братья Андрея, Михаил и Всеволод, а также дети его старшего брата Ростислава – Ярополк и Мстислав, доводившиеся племянниками Глебу. В течении 3-х лет власть переходила от одной стороны к другой. Юрьевичей поддерживала владимирская знать и черниговский князь, а Ростиславичей поддерживало боярство Ростова, Суздаля и Рязанское княжество. Конфликт завершился тем, что в 1177 г. на р. Колокше Ростиславичи потерпели поражение и вместе со всеми союзниками были отправлены в поруб³.

После того как Всеволод Большое Гнездо привёл пленников во Владимир, в городе вспыхнул мятеж. Владимирские бояре и прочие горожане желали расправы над врагами. Ярополка и Мстислава обвиняли в том, что во время своего непродолжительного княжения

---

² ПСРА Т. 1. СПб., 1946. С. 79.

³ ПСРА Т. 1. СПб., 1846. С. 162–163.

они потворствовали рязанским и суздальским боярам в расхищении владимирских земель и храмов⁴. Возмущенный народ добился ослепления Ростиславичей, которые, однако, в день поминовения святого Глеба «чудесным образом» прозрели. Куда сложнее обстоит ситуация с Глебом Ростиславичем.

Историк Ю.А. Лимонов выдвигает точку зрения, согласно которой Глеб являлся серым кардиналом событий 1174–1178 гг., поскольку был заинтересован в смерти Андрея Боголюбского. Свое предположение историк обосновывает, во-первых, присутствием на похоронах Андрея Юрьевича и выборах нового князя рязанских послов. Во-вторых, связью Глеба с ростовскими боярами, которые именно через него выстраивали отношения со слабавольными Ростиславичами [Лимонов 1987, с. 90–91]. Стоит признать, что в данной ситуации Глеб действительно являлся заинтересованным лицом, однако вряд ли обоснованно утверждать, что он являлся главным инициатором трагических событий в Боголюбове. Роль подстрекателей всецело принадлежит рязанским боярам, часть которых не удостоились даже почётногo плена⁵. А.А. Кузнецов предполагает, что, запечатленное сначала в Новгородской первой летописи, а позже в летописях Новгородо-Софийского свода, чудесное прозрение Ростиславичей в день памяти невинубиенных Бориса и Глеба, говорит о том, что братья пострадали от своего дяди [Кузнецов 2008, с. 39–41]. Однако и это суждение не позволяет демонизировать Глеба, потому что, как утверждает сам Кузнецов, дата прозрения появилась в более поздних источниках: впервые в Ермолинской летописи, относящейся к традиции ростовского летописания [Кузнецов 2008, с. 42]. К тому же на основе данных построений негативное отношение летописца к Глебу должно было распространиться и на Мстислава, который подговорил Глеба к вступлению в конфликт.

Свой негативный образ в ходе событий 1174–1178 гг. в глазах летописца Глеб получил только в 1177 г., когда под уговорами Мстислава Ростиславича решил принять личное и активное участие в политическом противостоянии с Всеволодом Юрьевичем. Однако его авантюра изначально не предвещала удачного исхода, потому что к этому времени Ростиславичи уже утратили своих союзников во Владимирском княжестве, в связи с чем рязанский князь был вынужден прибегнуть к помощи половецкой орды. По сообщению Лаврентьевской летописи, тогда «много бог зла створили церкви Боголюбский... и ту церковь повель выбивше двери разграбити съ погаными; и села пожже боярская, а жены и дѣти и товарь да поганымъ на щит, и многы церкви запали огнемъ... сего ради гнѣвъ простресея, они ведутся полоней, друзиѣи посекаемы и до молодыхъ дѣтѣи, иные на мечь даемъ поганымъ, друзиѣи трепетаху. Зряще убиваемыхъ, такмо Глеб князь Бога разгеньви и святую Богородицу»⁶. После таких

---

⁴ ПСРА Т. 2. СПб., 1843. С. 342.

⁵ ПСРА Т. 1. СПб., 1846. С. 161–162.

⁶ ПСРА Т. 1. СПб., 1936. С. 161–162.

зверств и надругательств над храмом войска Глеба потерпели поражение, а самого князя взяли в плен. Примечательно, что в Ипатьевской летописи появление половцев на Руси никак не связывается с действиями Глеба, а момент разорения окрестностей Владимира летописцем не освещается, зато подробно описывается посольство по освобождению рязанского князя⁷.

После того как Глеб оказывается в заточении и разъяренная толпа угрожает ему расправой, его жена и зять (союзный смоленский князь Мстислав Всеволодович) просят черниговского князя Святослава Всеволодовича ходатайствовать об освобождении Глеба. Святослав послал епископа черниговского Порфирия и игумена св. Богородицы Офрема. Через них Святослав просил отпустить рязанского князя на Русь, но Глеб ответил: «Лучше сде умру. Не иду». Вскоре после этого, а именно 30 июля Глеб умер⁸. Важно отметить, что сведения об этом посольстве отражены исключительно в Ипатьевской летописи. В Лаврентьевской статья за 6685 г. обрывается и повествование остается незавершенным. А новгородские летописи ограничиваются скупой информацией: «Преставися Глеб в порубе»⁹. Несмотря на ограниченную источниковую базу, можно допустить, что посольство имело место быть. Однако стоит к нему внимательно присмотреться.

Удивительно, что посольство для освобождения Глеба отправляет именно черниговский князь. Причём годами ранее Святослав и Глеб находились в противоположных лагерях. В 1176 г. между ними происходит прямой конфликт, когда сын Святослава Олег захватывает рязанский город Свирельск и присоединяет его к Чернигову¹⁰. Настораживают также кандидатуры посланников – Порфирий и Офрем. Черниговский епископ Порфирий, скорее всего, являлся тем же епископом, который в 1174 г. определил старшинство Юрьевичей над Ростиславичами. Офрем назван игуменом св. Богородицы, которую в тот же год беспощадно разграбил Глеб в союзе с половцами. То есть отправляющая сторона навряд ли испытывает симпатии к рязанскому князю. Интересно, что после неудачных переговоров Всеволод продержал у себя послов ещё 2 года. Каковы же были истинные цели посольства и почему оно потерпело неудачу? Можем предположить, что камнем преткновения стал не князь, а княжество. Святослав рассчитывал, что благодарный за возведение на престол Всеволод пойдёт на уступки и Рязань войдёт в политическую орбиту Чернигова. Однако Всеволод отпускает сына Глеба Романа, предварительно «укрѣпивше крестнымъ цѣлованиемъ и смиривше зѣло»¹¹. После чего новый рязанский князь «изби много Половецъ»¹², то есть пошёл против прежних союзников. К тому же спустя несколько лет именно Владимирский князь

---

⁷ ПСРЛ Т. 2. СПб., 1843. С. 118–120.

⁸ ПСРЛ Т. 2. СПб., 1843. С. 119–120.

⁹ ПСРЛ Т. 5. СПб., 1851. С. 16.

¹⁰ ПСРЛ Т. 2. СПб., 1843. С. 118.

¹¹ ПСРЛ Т. 10. СПб., 1885. С. 5.

¹² Там же. С. 6.

выступает посредником в решении споров рязанских князей о власти¹³. Поэтому стоит признать, что черниговское посольство потерпело крах.

Вызывает также вопрос хронологическая последовательность действий. В летописях новгородско-софийского свода разрушение толпою поруба, ослепление Ростиславичей и смерть Глеба произошли одновременно¹⁴. По мнению А.А. Кузнецова это указывает на непричастность Всеволода к расправе над конкурентами и смерти Глеба от мстительной толпы [Кузнецов 2008, с. 4]. В первой новгородской летописи смерть Глеба и ослепление его племянников тоже свершается одновременно, но без участия народных масс¹⁵. Повествование в Ипатьевской летописи, снабженное сюжетом с посольством о вызволении Глеба, построено иным образом. В ней сразу после посольства умирает Глеб, потом отпускают его сына Романа и только после этого ослепляют его племянников¹⁶. Исходя из этого сопоставления можем предположить, что Глеб, вероятнее всего, действительно стал жертвой разозленных на него бояр, тем более, в отличие от Ярополка и Мстислава, он никогда не правил во Владимирском княжестве, то есть был чужаком. Поэтому его племянники были отданы на милость Владимирского князя, а Глеб стал жертвой разъяренной толпы. Также на трагическую участь рязанского князя указывает и общая направленность нарратива: князь разгневал Бога и Богородицу. То есть сам летописец не сопереживает Глебу Ростиславичу и не осуждает народную расправу.

Можно допустить, что посольство действительно было направлено для спасения Глеба, но он отказался выходить на свободу, потому что терял вотчину, Рязанское княжение, которое вновь лишалось независимости. В данном случае важно не то, действительно ли Глеб отказался от свободы, а то, почему об этом написал летописец. Автор Ипатьевской летописи, несмотря на демонизацию Глеба в Лаврентьевской, решил показать, что князь принял достойную смерть. На самом деле данный троп имеет культурные корни. Слова, произнесенные рязанским князем в последние дни своей жизни, напоминают случай, произошедший на половину века раньше.

В 1138 г. переяславский князь Андрей Владимирович Добрый на предложение черниговского князя Всеволода Ольговича уйти из Переяславля в Курск ответил: «Лепши ми того смерть и с дружиною на своей отчине и на дедине взяти, нежели Курское княжение. Отець мой Курьске не седел, но в Переяслави. Хочю на своей отчине смерть прияти»¹⁷. То есть для Андрея Владимировича смерть на земле, которой владел его дед была ценнее жизни в чужом княжестве. В отличие от высказывания Глеба речь Андрея была отражена во многих летописях,

---

¹³ ПСРА Т. 1. СПб., 1846. С. 182.

¹⁴ ПСРА Т. 5. СПб., 1851. С. 167.

¹⁵ ПСРА Т. 3. СПб., 1841. С. 16.

¹⁶ ПСРА Т. 2. СПб., 1843. С. 119–120.

¹⁷ ПСРА Т. 1. СПб., 1846. С. 134.

помимо Лаврентьевской в Никоновской, Ермолинской и др.¹⁸. Но настораживает, что именно в Ипатьевской летописи мы не находим её следов, в то время как поступок Глеба отражён исключительно в ней. Поступок Андрея отличался такой храбростью и патриотизмом, что стал культовым на Руси. Сам Андрей, как верно замечает П.П. Толочко, был признан местнопочитаемым святым и благоверным князем [Толочко 2003, с. 105].

Слова Андрея нашли свое отражение в знаменитом «Молении Даниила Заточника». Данный памятник имел множество редакций, вследствие чего их делят на различные произведения: «Слово», «Слово о мирских притчах», «Моление» и переделки. Авторство Даниила также подвергается сомнению. Принято считать, что было несколько авторов, подражающих несохранившемуся протографу. В самой ранней редакции XII – «Слове» – говорится: «Не лгаль бо ми Ростиславъ князь: льпше бы ми смерть ниже Курское княжение; льпше смерть, ниже продолжень животь в нищети» [Зарубин 1932, с. 10]. Причём в копенгагенском списке этого извода имя Ростислава заменяется на Ярослава. В «Слове о мирских притчах и бытийных вещах» – памятнике XII в., в котором сочетаются цитаты из «Слова Даниила Заточника и Мудрости Мендала» – эпизод с князем отсутствует, но сохраняется мораль о превосходстве смерти над бедностью [Зарубин 1932, с. 40]. В редакции XIII в., которое исследователи прозвали «Молением», структура та же, что и в «Слове» [Зарубин 1932, с. 62]. Существенные изменения происходят в переделках [Зарубин 1932, с. 88]. В первой переделке полностью пропадает имя князя, и лишь в 1 редакции «Моления» остаётся нарицательное курское княжение. Во второй переделке этот эпизод полностью исчезает [Зарубин 1932, с. 88].

Предполагается, что авторы различных редакций так или иначе обращаются к князьям Переяславля-Русского. Утерянный протограф цитирует Андрея, другие редакции – слова Ростислава Юрьевича и Ярослава Всеволодовича, некогда сидевших в Переславле [Безсонов 1856, с. 324–325]. Впоследствии имя Ростислава стало нарицательным, и книжники его использовали вне отсылки к определенному князю. А в поздних редакциях имя князя и вовсе пропадает, оставляя только общий посыл. В духовной культуре Древней Руси «Моление» становится специфическим носителем образца княжеского поведения, тем самым памятник закрепляет самоотверженности князя во благо своей земли.

В этом случае стоит обратить внимание на связь Даниила заточника с рязанским князем Глебом. Примечательно сообщение В.Н. Татищева о том, что посольство предлагало Глебу отправиться не просто на Русь, а в какой-то мелкий город [Татищев 1774, с. 228]. Возможно, данный оборот отсылает к нарицательному курскому княжению, которым пренебрёт абстрактный князь в «Молении Даниила Заточника». Можно также выдвинуть смелую гипотезу,

---

¹⁸ ПСРА Т. 9. СПб., 1862. С. 164; ПСРА Т. 23. СПб., 1910. С. 31.

что автором одной из редакций «Моления» может являться сам Глеб Ростиславович, которого политическая авантюра завела в темницу. Знакомство Глеба с сюжетом «Моления» могло состояться через его деда Ростислава Юрьевича, слова которого цитирует автор произведения. С другой стороны, Глеб мог познакомиться уже с литературной версией памятника, благодаря коллекции книг, которую его племянники вывезли из разграбленного Боголюбова в 1175 г. Среди этих же книг князь мог прочитать переводной сборник афоризмов «Пчела». Современные исследователи отмечают, что первые списки «Пчель» датируются XII в.¹⁹ Поэтому вполне вероятно, что Глеб мог знать и высказыванием Сократа «Оуче славноу мужьскы оумерети, нежели жить с срамомъ», которое отсылает к платоновскому диалогу «Федон»²⁰. В этом диалоге вырабатывается античное представление о «достойной смерти», которое впоследствии переключивается в Средние века.

В то же время можно допустить, что как раз летописец на основе переводной литературы и «Моления Даниила Заточника» намеренно приписывает Глебу аутоагрессивное поведение. Руками книжника Глеб становится патриотом своей земли, который решил принять смерть, нежели зависимость от могущественных соседей.

Таким образом, аутоагрессия рязанского князя Глеба Ростиславича вызывает ряд вопросов. Сомнительна действительность посольства черниговского князя, направленного на освобождение ненавистного рязанского князя. Но если посольство и имело место быть, то затруднительно определить его истинные мотивы. Такое состояние исторической неопределенности вынуждает обратить внимание на особенность источника. В результате текстологического анализа было установлено, что мотив осознанного причинения себе вреда имеет ранние прецеденты в летописях, интертекстуальные отсылки на другие произведения древнерусской и переводной литературы. То есть одиозный поступок рязанского князя не является чужеродным для русской культуры. Этот поступок – часть общественного восприятия жизни и смерти. Однако нельзя точно сказать, кто именно действует в рамках данной мировоззренческой картины – князь-авантюрист или же летописец, вплетающий события в общую культурную канву.

---

¹⁹ См.: Пичхадзе А.А. Древнерусский перевод «Пчель» / «Пчела»: Древнерусский перевод. Том I. / Отв. ред. А.М. Молдован; Изд. подгот. А.А. Пичхадзе, И.И. Макеева. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. С. 7–8.

²⁰ См.: «Пчела»: Древнерусский перевод. Том I. / Отв. ред. А.М. Молдован; Изд. подгот. А.А. Пичхадзе, И.И. Макеева. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. С. 519.

ЛИТЕРАТУРА

- Безсонов 1856 – *Безсонов П.А.* Несколько замечаний по поводу напечатанного в русской беседе слова Даниила Заточника // Москвитянин. 1856. Т. 2. № 5. С. 319–351.
- Бенешевич 1906 – *Бенешевич В.Н.* Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкования. Т. 1. СПб.: Типография императорской академии наук, 1906. 830 с.
- Данилевский 2024 – *Данилевский И.Н.* Историческая текстология: учеб. пособие. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. 556 с.
- Зарубин 1932 – *Зарубин Н.Н.* Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделками. Ленинград: Академия наук СССР, 1932. 182 с.
- Зеленин 2022 – *Зеленин Д.К.* Очерки славянской мифологии. М.: Вече, 2022. 384 с.
- Корогодина 2025 – *Корогодина М.В.* Правила константинопольского синода 1276 года. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2025. 344 с.
- Кузнецов 2008 – *Кузнецов А.А.* О происхождении даты «Прозрения» Мстислава и Ярополка Ростиславичей в русском летописании // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2008. № 2. С. 33–46.
- Лимонов 1987 – *Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь: очерки социально-политической истории. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1987. 216 с.
- Монгайт 1961 – *Монгайт А.А.* Рязанская земля. М.: Изд-во Академии наук, 1961. 400 с.
- Павлов 1897 – *Павлов А.* Номаканон при большом требнике. М.: Типография Г. Лисснера и А. Гешкля, 1897. 520 с.
- Паперно 1999 – *Паперно И.Б.* Самоубийство как культурный институт. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 256 с.
- Пичхадзе 2008 – *Пичхадзе А.А.* Древнерусский перевод «Пчель» / «Пчела»: Древнерусский перевод. Том I. / Отв. ред. А.М. Молдован; Изд. подгот. А.А. Пичхадзе, И.И. Макеева. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. С. 7–43.
- Романова 2012 – *Романова Е.В.* Массовые самосожжения старообрядцев в России в XVII–XIX веках. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге (Studia Ethnological; вып. 10), 2012. 288 с.
- Татищев 1774 – *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная. Книга третья. М.: Императорский Московский Университет, 1774. 530 с.
- Толочко 2003 – *Толочко П.П.* Русские летописи и летописцы X–XIII вв. СПб.: Алетейя, 2003. 296 с.
- Фроянов 2012 – *Фроянов И.Я.* Древняя Русь IX–XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть: учебное пособие. М.: Русский издательский центр, 2012. 1088 с.

Щапов 1978 – *Щапов Я.Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М.: Наука, 1978. 292 с.

REFERENCES

- Beneshevich, V.N. (1906), *Drevneslavjanskaya kormchaya XIV titulov bez tolkovaniya T. 1* [The Old Slavic helmsman of the XIV titles without interpretation Vol. 1], Tipografiya imperatorskoi akademii nauk, Saint Petersburg, Russia.
- Bezsonov, P.A. (1856), “Neskol'ko zamechanij po povodu napechatannogo v russkoj besede slova Daniila Zatochnika”, *Moskvityanin*, vol. 2, no. 5, pp. 319–351.
- Danilevskij, I.N. (2024), *Istoricheskaya tekstologiya: ucheb. gosobie* [Historical Textology: a textbook], House of the Higher School of Economics, Moscow, Russia.
- Froyanov, I.Ya. (2012), *Drevnyaya Rus' IX-XIII vekov. Narodnye dvizheniya. Knyazheskaya i vechevaya vlast': uchebnoe posobie* [Ancient Russia of the IX-XIII centuries. Popular movements. Princely and Veche power: a textbook], Russkij izdatel'skij centr, Moscow, Russia.
- Korogodina, M.V. (2025), *Pravila konstantinopol'skogo sinoda 1276 goda* [The Rules of the 1276 Council of Constantinople], House of the Higher School of Economics, Moscow, Russia.
- Kuznecov, A.A. (2008), “O proiskhozhdenii daty «Prozreniya» Mstislava i Yaropolka Rostislavichej v russkom letopisaniï”, *Bulletin of Udmurt University. “History and philology”*, no. 2, pp. 33–46.
- Limonov, Yu.A. (1987), *Vladimiro-suzdal'skaya Rus' ocherki social'no politicheskoj istorii* [Vladimir-Suzdal Russia essays on socio-political history], “Nauka”. Leningradskoe otdelenie, Leningrad, USSR.
- Mongajt, A.L. (1961), *Ryazanskaya zemlya* [Ryazan land], Izd-vo Akademii nauk, Moscow, USSR.
- Paperno, I.B. (1999), *Samoubijstvo, kak kul'turnyj institute* [Suicide as a cultural institution], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Pavlov, A. (1897), *Nomakanon pri bol'shom trebnike* [Nomakanon at the great breviary], printing house of G. Lissner and A. Geschel, Moscow, Russia.
- Pichkhadze, A.A. (2008), Ancient Rus translation of “Pchely” in A.M. Moldovan (ed.) *«Pchela»: Drevnerusskii perevod. Tom I* [“Pchela”: Ancient Rus Translation. Vol. I], Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi, Moscow, Russia. pp. 7–43.
- Romanova, E.V. (2012), *Massovye samosozhzheniya staroobryadcev v Rossii v XVII–XIX vekah* [Mass self-immolations of Old Believers in Russia in the XVII–XIX centuries], Izd-vo Evropejskogo universiteta v Saint-Petersburg (Studia Etnological; vol. 10), Saint Petersburg, Russia.
- Shchapov, Ya.N. (1978), *Vizantijskoe i yuzhnoslavjanskoe pravovoe nasledie na Rusi v XI–XIII vv.* [Byzantine and South Slavic legal heritage in Russia in the XI–XIII centuries], Nauka, Moscow, USSR.
- Tatishchev, V.N. (1774), *Istoriya Rossijskaya s samykh drevnejshih vremen neusybnymi trudami cherez tridcat' let sobrannaya i opisannaya. Kniga tret'ya* [Russian history from the most ancient times, collected

and described by tireless efforts thirty years later. Book three], Imperatorskii Moskovskii Universitet, Moscow, Russia.

Tolochko, P.P. (2003), *Russkie letopisi i letopisy XI-XIII vv.* [Russian chronicles and chroniclers of the XI–XIII centuries] Aletejya, Saint Petersburg, Russia.

Zarubin, N.N. (1932), *Slovo Daniila Zatochnika po redakcijam XII i XIII vv. i ih peredelkami* [The word of Daniel Zatochnik according to the editions of the 12th and 13th centuries and their alterations], Izd-vo Akademii nauk SSSR, Leningrad, USSR.

Zelenin D.K. (2022), *Očerki slavyanskoj mifologii* [Essays on Slavic mythology], Veche, Moscow, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергей Д. Гай, студент бакалавриата, Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия; 426034, Россия, Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2. sergey_guy0403@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey D. Gay, bachelor student, Udmurt State University, Izhevsk, Russia; bld. 1, Universitetskaya str., Izhevsk, Russia, 426034; sergey_guy0403@mail.ru